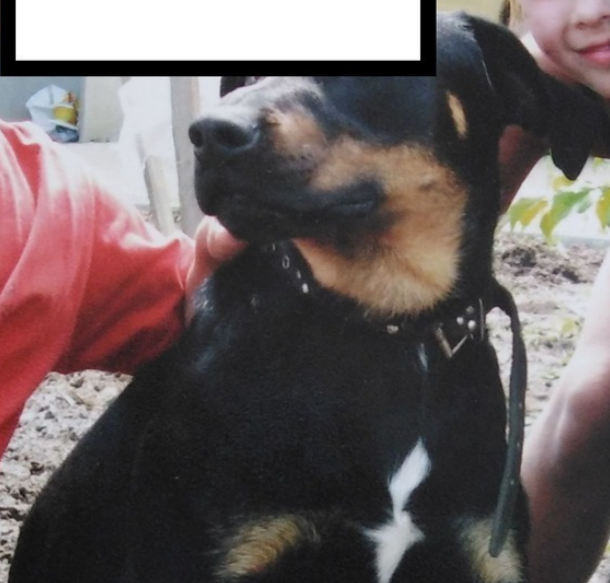
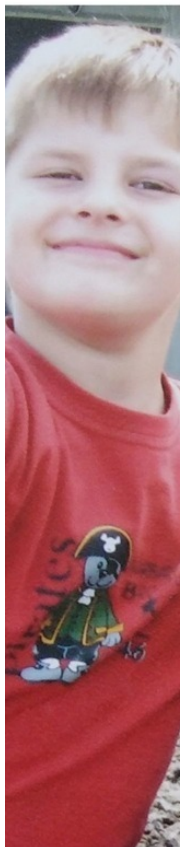

Ирина Заикина

Мелодия Нашего Детства

Ирина Заикина

Мелодия нашего детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48780390

ISBN 9785005041555

Аннотация

«Мелодия нашего детства» – грустная и вместе с тем весёлая история брата и сестры, двойняшек Арис и Ириса об их захватывающих приключениях в небольшой деревне Орёл. Совсем недавно я и сама была ребёнком. А сейчас я уже подросток, проживающий непростую, но интересную пору взросления. Я бы не сказала, что это проще или сложнее. Это просто – по- другому. Хочется сказать отдельное спасибо моей маме за стойкость, незаменимому учителю Оксане Павловой за духовное сопровождение и оптимизм.

Содержание

Ох уж этот австралийский какаду	5
Перчик и карамелька	8
Полны котят и решимости	11
Никогда не поздно стать спасателем	15
Иностранцы и их необычные традиции	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мелодия нашего детства

Ирина Заикина

© Ирина Заикина, 2019

ISBN 978-5-0050-4155-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ох уж этот австралийский какаду

С самого утра, как только налитое румянцем солнце показалось из-за горизонта, не медля ни секунды, я и Ирис со всего разбега помчались ему навстречу, на бегу закидывая в рот золотистые ватрушки, испечённые мамой для искушённых любителей сладкого нашего семейства.

Вместе с нами на крыльце зарю встречают звонкой пронзительной трелью соловьи, пчёлы и мелкие копошащиеся букашки, а на старушке-веранде узорами прорисовываются капельки утренней росы.

Кроты вот-вот вылезают из своих окопов и начнут играть в догонялки с нашими дворовыми собаками Торой и Ларсом так, что по всей округе Орла будет раскатываться их пронзительный игривый лай.

Орёл – это название нашей деревни. Маме оно совершенно не нравится. Она считает, что это звучит угрожающе.

А мама терпеть не может ничего *угрожающего*.

Так, упоминания о зверях доводят её до нервного тика.

Мама, похоже, долгое время старалась не раскрывать нам свою неприязнь к животным, но позже стала сдавать позиции.

– Нет, ну это какой-то цирк! Я так больше не могу! – то и дело возмущается она в отчаянии, когда каждое воскресенье, как по намеченному графику, мы приносим домой пол-

ные карманы нового вид лягушек-квакш.

Я и Ирис не понимаем, почему она из-за этого так злится.

Просто мы думаем, что наша мама – трусиха, вот и всё! В своё же оправдание она говорит, что её бабушка была прославленной дрессировщицей, и поэтому маме частенько доставалась почётная роль присутствовать на её представлениях.

Как-то раз, будто сообщая одной только ей известную всемирно важную тайну, она шепнула мне и Ирису на ушко:

– На представлении мне приглянулся синеглазый мальчик. Он сидел в первом ряду. Волосы его были гладко уложены, на нём была надета белоснежная рубашка, а на воротничке восседала алая накрахмаленная бабочка.

Такого мальчика я никогда не встречала, – почти что шёпотом рассказывает нам мама. Мне даже показалось, будто у меня в животе что-то стало шевелиться.

И что вы думаете? В этот животрепещущий момент моя бабуля будто величественную корону, посадила мне на голову здорового австралийского какаду. И чем я ему так не приглянулась – не знаю, но он взял и церемонно наделал целую кучу на мои аккуратно уложенные косички.

Люди в зале залились раскатистым хохотом, приняв это за часть представления. Но мне было совсем не до смеха, – будто это случилось совсем недавно, печально закончила свой рассказ мама.

Я и Ирис тоже не удержались от смеха, но, похоже, для

мамы это было по-настоящему болезненным воспоминанием, так её лицо стало походить на сморщенную кожуру чернослива.

Мама называет это *детской травмой*. На вопрос, что это означает, она отвечает:

— Это когда что-то нехорошее случается с тобой, и ты помнишь и боишься этого всю жизнь.

Тогда я поняла, что животные для мамы, как для меня – пенка от молока.

После того как на дне рождения кузина у меня образовались от неё пышные усы, прямо как у моего дедушки, меня прозвали «Арис – молочная пенка». А это, знаете ли, очень обидно.

С тех пор я всегда стараюсь делать так, чтобы она не появлялась. Совсем-присовсем.

Перчик и карамелька

Я и Ирис – двойняшки. Мы живём в одной комнате, иногда спим на одной кровати, и по секрету скажу – порой тайно чистим зубы одной щёткой.

Нас до ужаса раздражает, что люди называют нас близнецами. Вы только посмотрите на нас! Какие же мы близнецы? Ирис ведь мальчик, а я – Арис, то есть девочка.

У нас отличий выше крыши!

Всё началось девять лет назад, когда мы вместе начали это неизведанное путешествие длиною в жизнь в небольшом мирке: у мамы в животе.

На её долю выпала непростая задача. До нашего рождения маме то и дело приходилось питаться мороженым вприкуску с перчиком чили.

Наверное, именно поэтому мне было предначертано вырасти и стать загорелой «сладкоежкой-индуской» (папа рассказывал, что сахар впервые изобрели в Индии), а Ирису – прирождённым перчиком-мексиканцем.

Вот только вышло наоборот. По характеру я – как смесь самых острых перчиков чили во всей Мексике, а Ирис скорее напоминает карамельку: ту, что не так просто надкусить, и приходится долго разжёвывать её, чтобы определить истинный вкус.

Наверное, именно поэтому мама говорит, что в нашей се-

мье должен быть только один «перчѐный» характер, а не то она уплывѐт от нас в кругосветное путешествие.

Но что самое важное – так это то, что помимо ежедневной отработки друг на друге боевых приёмов, без которых не обходится ни одно настоящее детство растущих вместе брата и сестры, нас с Ирисом объединяет большая любовь к приключениям и животным.

Всѐ началось одним безмятежным летним утром, когда я и Ирис, вообразив себя заядлыми гонщиками, заблудились на велосипедах, оказавшись на свалке Орла.

– Арис, давай скорее выбираться отсюда, – пропищал шѐпотом Ирис.

– Да, местечко не из приятных, – согласилась я.

Мы развернулись, приготовившись с молниеносной скоростью дать дѐру и быть таковыми, как наше внимание приковало тонкое протяжное мяуканье.

– Арис, ты тоже это слышишь? – обернувшись, спросил Ирис.

– Конечно, слышу, – ответила я, заметив, что брата начинает охватывать мелкая дрожь.

И мы, не говоря друг другу ни слова, но думая об одном и том же, как это часто с нами случалось, вооружившись большим коричневым гудком от велосипеда, стали подкрадываться к месту захвата территории.

– Ирис, Ирис, смотри! – завопила я на всю деревню так,

что он подпрыгнул в воздух. – Это же котята! Целых шесть! Ура-а-а! – издала я победный клич, от которого Ирис словно рак-отшельник попятился в сторону.

Перед нами предстали крошечные пушистые существа с пятнистой гладкой шерсткой, неуклюже копошащиеся в грудe старых вещей.

– Где же их мама? – удивлённо спросил Ирис, будто бы всерьёз полагая, что именно это нужно спрашивать в момента такого щедрого подарка судьбы.

– И ты ведь не думаешь, что мы заберём их домой? Правда? – робко спросил он, заметив разгорающийся лихой огонёк в моих глазах.

– Что ты как маленький, Ирис! Скорее, понесли их домой! У кошки их будет много, а у меня ни одного нет... – досадливо сказала я.

– С собаками играть не интересно, – объясняла я брату. – У нас их целых две! Они такие здоровые, что не влезают в мой кукольный домик и твою машинку! Так что бери и понесли их! – скомандовала я.

Две собаки – единственное исключение из маминой *детской травмы*. Одна из них была выдрессирована ещё нашей прабабушкой.

Как говорил мой дедушка: «Семейные реликвии – это святое.»

Полны котят и решимости

Мы были готовы на всё, чтобы свершить миссию по спасению котят. Двое из них расположились по обе стороны моих и Ириса плеч, ещё один поместился в корзине велосипеда, а последнему досталось привилегированное место почти что с высоты птичьего полёта – прямо у меня на голове.

Пушистые комочки нашего детского счастья в нетерпении протяжно мяукали, гадая, куда же их всё-таки привезут два взъерошенных, пыхтящих от радости девятилетних ребёнка.

В таком непредсказуемом деле, как спасение котят, с мамой, получившей серьёзную *детскую травму*, нужно быть очень осторожными.

По приезде домой я и Ирис, воображая себя настоящими спецагентами по спасению беззащитных животных, незаметно прокрались на цыпочках в дом.

Котята подали ненавязчивый опознавательный сигнал, и из гаража чумазый как чёрт, показался наш папа. И тут ещё непонятно, кто кого должен был испугаться больше.

– Вот так встреча! – таинственно протянул он, стягивая с глаз паяльные очки, покрытые еле заметными опилками.

– Ну, уж это вы, ребята, перебарщиваете! Вчера лягушки, позавчера палочники, и я уж не знаю, где вы только умудрились их достать, а на прошлой неделе – окуни! Так и посидеть недалеко, а мне всего лишь сорок лет, – обиженно ска-

зал он. Постойте, – нахмурился папа. – И уж не думаете ли вы, что мама позволит вам оставить их?

– Ну что ты, папочка, мы только покормим их. То-то и всего! – с протяжным тоскливым взглядом бездомной собаки пролепетал Ирис.

– Что значит, только покормим? – вступилась я за котят. – А дальше на улицу их, что ли? Ну уж нетушки! Только через мой труп! – подобно Статуе Свободы загородила я сбившихся в один большой комок беззащитных животных.

– Кто-нибудь в этом доме может объяснить мне, что здесь происходит? – донёсся до нас сонный голос мамы.

– Настоящие спецагенты ни под каким предлогом не должны раскрывать своего дела, – не медля не секунды, шепнула я Ирису на ухо.

И, оставив мамин вопрос на растерзание безмолвной тишине, мы принялись поскорее прятать котят. Кого-то стремительно засунули в мешок из под картошки, кого-то в папин ботинок сорок четвёртого размера, а одному счастливицу и вовсе досталось коронное место в тёплой, пропахшей ароматным персиковым маслом, бане.

Но, как только на лестнице показалась мама, шустрые мяукающие прохвосты стремительно выбрались из своих укрытий, и наша операция окончательно пошла коту под хвост, когда они предстали во всей своей взъерошенной красе перед ней.

И стоило только маме в один неподходящий момент

встретить на себе двенадцать сверкающих и неопытных в прикрытии, кошачьих глаз, как она, пошатнувшись, стала терять сознание и со стремительностью лёгкого пёрышка опускаться на пол так, что папа еле-еле успел её подхватить.

Ох уж эти *детские травмы*...

Мамино «пробуждение» было не самым приятным. Когда она окончательно пришла в себя, то и слышать ничего не желала о котятках.

– Либо я, либо эти... – бедная, она вздрагивала и словно несмышлёный ребёнок не могла произнести столько несложное слово, которое знает каждый ребёнок.

– Слушай, Ирис, – тихонько подозвала я брата. – Никакой уважающий себя спецагент не заканчивает операцию, не договорившись о выгодном для него положении. Мама просто хочет оставить нас в дураках! Понимаешь? – серьёзно спросила я брата.

– Кажется, понимаю, – кивнул Ирис.

После напряжённый получасовых переговоров нам с Ирисом удалось заключить с мамой вот какую *сделку*: мы не оставляем себе котят и ни при каких чрезвычайных условиях не попытаемся вернуть их, а взамен этого папа построит им укромное однокомнатное жилище – будку на колёсиках.

Пока папа подбирал подходящее для неё дерево и мастерил котяткам их будущий дом, мы решили на время спрятать их в гараже, а именно в старых дедушкиных сапогах, чтобы

лишний раз не тревожить мамину детскую травму. Это хорошая маскировка. И там им будет тепло и хорошо.

Дедушка всегда говорит всё, что нужно живому существу – ласка. А ещё он говорит, что так он женился на нашей бабушке. Но это уже совсем другая история...

Спустя неделю тщательных маскировок и папиного усердия будка на колёсиках была готова. Мы постелили в неё мягкое сено, оставшееся после покоса, посадили туда котят и отправились в путь. Сначала папа на велосипеде, за ним прицепом сосновая будка, а в ней тёплые и пушистые виновники нашего колонного шествия, которое торжественно замыкали – Ирис и я.

– Вот всегда так. Хочешь как лучше, доброе дело сделать, а на твоём пути откуда ни возьмись мама с *детской травмой*, – пожаловалась я папе.

– Да-а-а, – загадочно протянул папа. Мы что-нибудь придумаем, – добавил он, нежно потрепывая меня по голове.

Первый раз за всё это время папа понял, что *так* мы жить больше не можем.

Никогда не поздно стать спасателем

Будка из мягкой сосны, старательно вырезанная его большими умелыми руками, совсем не вписывалась в удручающий пейзаж старой серой свалки. Она больше походила на воздвигнутую крепость посреди одинокой пустыни.

Одно нас успокаивало – котята будут в ней в безопасности.

Наше дружное и заботливое семейство, недолго посоветовавшись, пришло к выводу, что нам нужно незамедлительно помочь маме, сразившись один на один с её *детской травмой*.

Мы решились на это окончательно и бесповоротно, когда приехав навестить наших новых пушистых друзей, мы увидели страшную картину, от которой у нас волосы стали дыбом.

Кровожадные языки пламени беспощадно пожирали мягкое сосновое дерево нашей будки на колёсах. Оно скукоживалось и, догорая, оставляло после себя лишь жалкие обуглившиеся комочки пепла.

Где мы только не искали котят: на деревьях, крышах, в кустах, у соседей в подвалах – и так и не нашли ни одного. Ни одного крошечного тёплого существа.

Порой мне кажется, что от криков нашего семейства каждый раз содрогается весь Орёл. В тот день я кричала и плакала что есть мочи:

– Будь проклята, чёртова *детская травма*! Из-за тебя наша операция трещит по швам! – подобно фурии, завывала я.

– А что, если их съели? Помнишь, дедушка рассказывал, что именно так тем летом плохие люди поступили с неоперившимися лебедятами на озере? – подвывал рядом со мной Ирис.

От нашей симфонии у папы шарики заехали за ролики:

– Так, стоп! С меня хватит! – решительно заявил он, потушив догорающее пламя одеялом.

Безмолвные, насупившиеся, но отважные, мы стремительно зашагали в сторону дома. Мы, спецагенты подразделения по спасению незащитных животных, бесшумно прокрались за папой по лестнице прямо на кухню.

Мама, напевая про себя свою любимую детскую мелодию о добром жучке, неспешно помешивала на плите ароматный куриный бульон. Его запах убаюкивал нас вложенной в него любовью и бесчисленным количеством пряностей, но мы изо всех сил старались не подавать виду.

– Чего это вы сегодня такие загадочные и чумазые? – с таинственной улыбкой спросила мама.

– Потому что сейчас, мамочка, мы будем тебя спасать, – серьёзно ответили мы хором.

– От чего спасать? – удивилась мама так, что её рука

неожиданно дёрнулась, и ароматный куриный бульон оказался на грани срыва, когда вся его поверхность покрылась крупинками тёмно-серого молотого перца, оставшегося в пакете.

– От *детской травмы!* – снова хором отозвались мы.

Поставив в известность, но не дав опомниться, как и делают порой спец-агенты, мы уже привязывали хихикающую маму к кухонному стулу восьмёркой.

Восьмёрка – один из основных морских узлов. Меня и Ириса научил их завязывать наш дедушка. В молодости он ходил штурманом в открытое море и большинство историй поведывал нам с Ирисом.

– Ничего страшного, мамочка, ты, главное, не бойся. Будет совсем не больно, – успокаивала я её.

После этой фразы мама перестала хихикать. Наверное, когда тебе призывают не бояться, невольно начинаешь бояться в несколько раз сильнее, тогда как если нечего бояться, тогда и не стоит это упоминать.

Дедушка говорил, что есть всего два пути изгнания врага из своей территории, а в нашем случае – *детской травмы*.

Первый – накормить *его* куриной требухой, а второй – разжечь костёр и, произнося священные индейские слова, станцевать танец мира.

Папа очень удивился, сказав, что ему дедушка никогда этого не рассказывал, и аккуратно напомнил нам:

– Дело в том, дети, что ваша мама не ест мясо.

– Ты что? – насупилась я. – Не хочешь спасти маму? – И при том, куриная требуха куда лучше всякого мяса, – радостно добавила я.

На это раз папа решил воздержаться от ответа, и мы незамедлительно приступили к делу.

Я велела надеть всем перчатки и кухонные халаты, завязать папе хвост, чтобы маме не пришлось вдобавок к требухе есть его длинные, пропахнувшие шампунем бабы Агафьи поседевшие волосы.

Из гаража Ирисом была принесена требуха курицы, увидев которую мама стала умолять папу:

– Дорогой, вы что, с ума сошли? Сейчас же отвяжите меня!

Но команда спасателей ни за что не должна поддаваться уговорам даже самых близких людей. Особенно когда речь идёт об их собственной жизни.

– Ложечку за папу! – приговаривала я, решительно засовывая маме в рот ложку куриной требухи, подходящей на комок буро-серых водорослей.

– Ложечку за меня! – присоединился Ирис.

– Ложечку за нас всех! – нерешительно протянул папа. При этом мама, сверкая глазами, взглянула на него, будто думая про себя: «Не ждите пощады...».

Но, мне кажется, операция по спасению была завершена успешно. Спустя некоторое время из маминых глаз горным потоком хлынули слезы *детской травмы*.

– Думаю, после этого наша мама станет самой бесстрашной женщиной на земле, – с переполняющей гордостью заявила я Ирису.

– Арис, но не лучше ли удостовериться, что детская травма больше никогда не вернётся к маме? – имея в виду вторую часть испытания, спросил Ирис.

– Ах да, точно! – подхватила я. – Спасибо! -подмигнула я брату.

Дело близилось к вечеру, и каждого прохожего по узкой улочке Орла озаряло своими последними тёплыми лучами золотисто-лиловое румяное солнце. Оно лениво скрывалось за горизонтом, чтобы завтра с новыми силами озарять мимолётные лица искренней улыбкой. А это много стоит.

Мы развели костёр, как говорил дедушка, закутали маму в шерстяное одеяло и принялись выплясывать перед ней танец мира под звуки барабана, который когда-то был привезён дедушкой с Курильских островов, и шаманских песнопений.

Мы понятия не имели, как правильно следует это делать, поэтому со стороны эта картина больше напоминала танец макак, неуклюже переваливающихся с одной лапы на другую. Но кому до этого какое дело?!

Индийских слов мы не знали, поэтому придумали свои:

Австралийский какаду,

Улети, улети,

Никогда не приходи.

В Рио-Рио ты лети.

Так мы пели и танцевали у костра около двух часов.

Догорая, языки пламени превращались в маленькие искорки, бесследно растворявшиеся в холодном вечернем воздухе. Через некоторое время мы стали походить на сбившихся в кучку трясущихся зябликов.

Мама только посмеивалась над нами. Наверное, думает, что теперь пришёл её черёд спасать нас.

Как же всё-таки непросто был спасателем... Но главное – спасательная операция была завершена успешно.

Иностранцы и их необычные традиции

Одним ранним субботним утром, соревнуясь, кто быстрее доедет на велосипеде до старушки леди Мерил, со всех узеньких улочек Орла ощущалось необыкновенное оживление наших соседей.

Все только и говорили о том, как бы поскорее познакомиться с иностранцами. Но что это были за иностранцы, и каким образом они оказались в нашем далёком краю, толком понять никто не мог.

– Ирис, ты представляешь! Это же иностранцы! Ещё ни в одну деревню не приезжали иностранцы, – с гордостью хвасталась я перед братом.

Дедушка, много путешествуя по миру, рассказывал нам, что иностранцы порой бывают чудными. У них – свои традиции, кухня, одежда и многое другое.

По Орлу ходило много разговоров об этих таинственных незнакомцах, и нам не терпелось поскорее встретиться с ними.

В обед я и Ирис уже бежали знакомиться с новыми гостями.

Мы разузнали, что через улицу от нас они занимают постройкой своего дома. Поэтому, добраться туда было

столь же просто, сколько сосчитать количество дней в году, когда я и Ирис не вмешиваемся в какую-нибудь очередную историю. А таких дней на год приходилось совсем немного.

Один из них – бабушкин день рождения. В этом году ей исполняется девяносто пять лет. Поэтому, тревожить её ни в коем случае нельзя. Она ещё планирует пережить всех нас вместе взятых, и войти в книгу рекордов Гиннеса нашего семейства.

На территории будущего дома творился настоящий хаос: повсюду были разбросаны груды бетона, кирпичей, шпателей и прочих строительных материалов. Рядом с нами снова-таки загорелые мужчины в потёртых штанах и белых марлевых повязках на головах. У них были чёрные как смоль брови-гусеницы и узкие миндалевидные глаза. Они жили в небольших вагончиках на колёсах рядом с их будущим домом.

Один из иностранцев, увидев нас, двинулся навстречу. Положа руку на сердце, и слегка наклонившись вперёд, он сказал:

– Ас-саляму алейкум! Меня зовут Махмуд. Мы здесь строить наш дом. Приходить к нам на плов, милый дети.

– Здравст-вуй-те! – медленно произнёс по слогам Ирис. – Нас зовут Арис и Ирис! Мы двойняшки, – чуть громче, чем обычно, добавила я, боясь, что наш новый знакомый может нас не понять.

– Как хорошо, – растянулся в улыбке наш новый знакомый. – Двойняшки есть хорошо.

Мы с Ирисом не удержались от смеха.

Затем иностранцы, обступив нас со всех сторон, стали звать на плов в тёмно-зелёный вагончик с колёсами и обшарпанной краской по бокам.

Они просили нас так настойчиво, будто плов – самое драгоценное, что есть у них в жизни.

Сначала я с трудом могла разобрать, что они говорят, но потом поняла, что главное – не что говоришь, а как говоришь.

Мы сидели в вагончике, томимые запахом заморских блюд. На стенах висели расписные узорчатые ковры, травы в вязаных корзинках и небольшие картинки с изображениями людей. От этого казалось, что стены вагончика сжимаются, согревают нас своим теплом и уводят куда-то далеко-далеко.

– Разве ковры не должны быть на полу?, – спросила я.

– Это у нас такой традиция. Ковры в каждом доме вешать на стену.

Иностранцы подавали нам разные горячие заморские кушанья. То была палитра сразу всех запахов, которые человеку достаточно почувствовать только раз, чтобы потом помнить всю свою оставшуюся жизнь. То был запах свежескошенной травы, дождя, запах сладости, неги и остроты.

– Такой вкуснятины я ещё никогда не пробовала, – расплылась я в довольной улыбке.

Судя по лицу Ириса, можно было догадаться, что кушанье

ему тоже пришлось по душе. Когда брату что-то очень нравится, его брови приобретают форму крыльев летящей птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.